



 [Версия для печати](#)

[АРМИЯ](#)

0

В плену болонской системы

Потери отечественной профессиональной военной школы могут стать необратимыми

Александр Владимиров

Чему учить офицеров в системе профессионального военного образования и как вести боевую подготовку войск в условиях теоретической, методологической и идеологической неразберихи, порожденной в том числе непроработанностью этих вопросов отечественной наукой? Решение проблемы напрямую зависит от решительности, инициативности органов управления военным образованием. А этого у нас всегда не хватало.

Анализ современных теоретических, стратегических и собственно военных исследований говорит: чем меньше мы понимаем существо войны и уделяем внимания основным фундаментальным вопросам, тем хуже формулируем цели и задачи и армии, и нации, тем больше ударяемся в мелочи, в частности, хуже ведем подготовку войск и их руководящих кадров, тем чаще попадаем в расставленные врагом ловушки, а стало быть, теряем шансы на победу.

Немецкий философ Карл фон Клаузевиц в выдающемся труде «О войне» говорил: «Хитрость предполагает какое-нибудь скрытое намерение и, следовательно, противопоставляется прямому, простому, то есть непосредственному образу действия, подобно тому, как остроумие противопоставляется непосредственному доказательству. Она не имеет ничего общего со средствами убеждения, интереса, силы, но у нее много общего с обманом; последний тоже скрывает свои намерения... Хитрец вызывает в суждении противника, которого хочет обмануть, такие ошибки, которые... толкают его на ложный путь». Там же вводится термин «туман войны» для обозначения недостоверности данных о положении на театре военных действий. «Война – область недостоверного: три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, пронизательный ум...

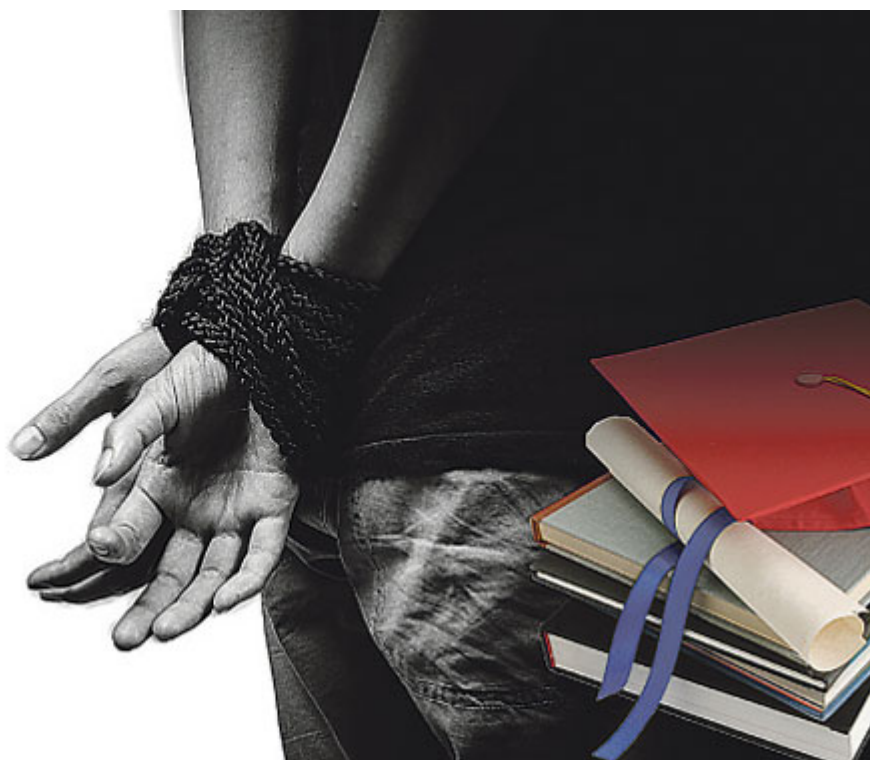
“ На каком таком конкурсе международного военного труда будут конкурировать дипломы Московского ВОКУ и Вестпойнта? ”

Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии».

Так оценивалась война в начале XIX века.

Очевидно, что сегодня все сложнее.

Гибридные войны ведут государства и нации, которые по существу пребывают в гибридном мире, а он с каждым днем становится все «туманнее». Армия выполняет свои задачи и ведет свою партию – собственно вооруженную борьбу, которая является лишь частью войны гибридной. Плохо то, что все это сопровождается существенным снижением уровня знаний, профессионализма и ответственности командного состава всех уровней.



Коллаж Андрея Седых

Более того, основными направлениями в подготовке сегодня стали компьютерное моделирование и игры, работа в современных системах боевого управления, основанных на спутниковой связи, геопозиционировании и т. п. Это отвечает вызовам времени, но порождает полную зависимость от подобных подпорок. А ведь в бою может случиться всякое.

Плохо то, что обучают подчиненных все чаще начальники, которые в жизни ничем и никем не командовали. За «живого» солдата не отвечали, серьезного прохождения службы в войсках, а значит, личного опыта руководства ими не имеют. Командиры, привыкшие смотреть на экран компьютера и видеть там всю картину боя, уже разучились наблюдать действия противника в бинокль. Они способны правильно выбрать позицию по карте, но не умеют делать это на местности. Могут управлять войсками по средствам современной радиосвязи, но не представляют, как будут делать это, если все спутниковые группировки окажутся уничтожены, что, кстати, случится в первые же минуты и часы войны.

Все это и является настоящим «туманом войны», который не освобождает командиров всех степеней от обязанности принимать осознанные решения при управлении войсками, ответственности за их качество и результаты в любых ситуациях – от самых технологичных до примитивных.

Что делать?

Одурманенные ЛПР

Современная гибридная война устроена так, что своими информационными технологиями она в первую очередь формирует «туман войны» в головах руководителей (лиц, принимающих решения, – ЛПР), и в этом ее главная опасность.

Скажем себе честно: врагам, ведущим против нас такую войну, многое уже удалось. Например, они убедили наших политических руководителей, что мы живем в мирное время и войны нет, есть только конкуренция. Что у нас все идет неплохо, а рынок и прибыль важнее национальной идеологии и этики. Что у нас практически одни и те же ценности, а болонская система образования – самая передовая, значит, нам надо подстраиваться под Запад.

Далее уже эти «затуманенные ЛПР» подбирают под себя таких же исполнителей и кадровый отсев лучших торжественно марширует по стране. Достаточно проанализировать состав высших органов госвласти, особенно финансового блока правительства, и вы поймете: все именно так.

Самое страшное, что это у них получается и в самых существенных аспектах военной организации России – аналитике, информационной сфере, воспитании, профессиональном образовании, идеологии и этике взаимоотношений в армии.



Коллаж Андрея Седых

Я, советский генерал, прошедший все ступени военного образования и успешную действительную службу в развернутых общевойсковых частях ВС СССР от взвода до армии, как профессионал, убежден: самыми лучшими основами, позволяющими успешно решать боевые задачи в условиях гибридной войны, будут отработанные до автоматизма навыки действий в стандартных ситуациях, собственно, из которых и состоит любой современный бой и вся вооруженная борьба. Такой набор базовых боевых задач войск на поле боя и театре войны почти не изменился со времен П. Шувалова, А. Суворова и Г. Жукова. Наши великие предшественники были уверены, что без знания и умения успешно решать типовые задачи победы не достичь. Комплекс задач в представлении Императорской русской армии генерал-фельдмаршала графа Петра Ивановича Шувалова не что иное, как обязательный профессиональный минимум знаний и умений, которым должен обладать каждый военный. Когда наши офицеры эти вопросы знали и прекрасно умели воевать, а дух армии неукротим – Россия была непобедима. Но когда побеждали муштра, показуха, меркантилизм и боязнь ответственности, а офицерский состав имел «испуганную душу», армия терпела неудачи.

Сегодня главные вопросы готовности к успешной вооруженной борьбе и военной победе заключаются не столько в достижении технологического превосходства над противником, где мы пока уступаем, а в уровне умений, знаний и прямом профессионализме нашего командного состава всех категорий. То есть в решении типовых боевых задач на поле боя и на ТВД уже современными силами и средствами, способности к быстрым, инициативным и смелым решениям, их исполнению.

Но для того, чтобы понять, как все обстоит на самом деле, надо перевести сказанное графом Петром Шуваловым почти 300 лет назад на современный военный язык. И попробовать ответить на вопрос: готов ли сегодня офицер-выпускник, скажем, Московского ВОКУ, Военной общевойсковой академии или Академии Генерального штаба решать подобные задачи? И вы придете к выводу: не готов. Так как этому в наших академиях предметно не обучают и «гибкий, пронизательный ум» (по Клаузевицу), способный вскрыть истину и прозреть ее сквозь «туман войны», не формируют.

Это, безусловно, трагедия, но она состоит не столько в том, что эту задачу сегодня практически некому выполнять и не по чему учить. Самое печальное, что она перед нашим военным профессиональным образованием не ставится. Критерием является «подготовка специалиста по управлению современными образцами техники и вооружения», а не

«профессионала военного (боевого) управления». Увы, этой разницы руководители нашего военного профессионального образования по разным причинам понять не могут.

Скажу сразу: любые отсылки к соответствующим разделам Боевого устава некорректны, так как там есть общая теория боя, но практически нет его технологий, которые рождаются исключительно из опыта и специальных тренировок, требуют колоссальной личной работы слушателей, специального обучения и системных повседневных нагрузок.

Вывод тут только один – надо приводить нашу систему профессионального военного образования к реальным требованиям войны, то есть менять не вывески, а «мебель» (учебные программы и материальную базу), а также некоторых начальников и преподавателей.

Важно наконец осознать, что болонская система для профессионального образования государственной службы и военного образования, в частности, не нужна. Говоря словами песни Владимира Высоцкого, нужна, как в русской бане лыжи.

Если переложить труд фельдмаршала Шувалова в систему современных программ боевой подготовки войск, учебных программ и курсов национальной системы военного образования, собрать опытных и знающих офицеров, дело еще можно поправить. Сегодня важно точно очертить круг современных требований, компетенций, навыков и умений, а также воинских специальностей (основных, дополнительных, обязательных), которыми должны владеть допризывники, суворовцы, нахимовцы и курсанты военных училищ, сержанты, младшие командиры, старшие и высшие офицеры.

Применительно к каждому виду Вооруженных Сил и роду войск они должны быть облечены в форму обязательных требований к программам учебы и боевой подготовки. А качество умений и полученные специальности – войти в критерии оценки личной работы каждого военнослужащего, аттестационные документы, документы на присвоение классности и их оплату, в перечень вопросов по предметам обучения, выпускных экзаменов, оценочных ведомостей соответствующих дипломов об окончании всех учреждений военного профессионального образования, начиная с СВУ, НВМУ и кадетских корпусов Минобороны России.

Эту работу должны выполнить научные структуры военных училищ и академий, штабы военных округов, специалисты видов ВС, Генштаба и военные эксперты. Привлечь надо также ветеранов ВС СССР, участников вооруженных конфликтов и кампаний на Северном Кавказе, в Донбассе, Сирии.

В этом же направлении следует развивать учебные планы и материальную базу вузов и полигонов, а также программы боевой подготовки войск. Если с этим промедлить, потери нашей профессиональной военной школы станут необратимыми, а национальная безопасность – ущербной.

Пиксельные знания

Сегодня представляется особенно важным изучение боевого опыта успешных действий российских группировок в Сирии, подразделений правительственной армии этой страны, формирований Донецка и Луганска, даже ИГ (запрещенной в РФ организации). Надо, как в советское время, издавать современные материалы и учебные пособия по тактике, основанные на конкретных примерах, и внедрять полученные знания в практику боевой подготовки штабов и войск.

Анализируемые эпизоды должны не просто описываться, а сопровождаться соответствующими схемами, таблицами взаимодействия, расчетами времени, боеприпасов, сведениями о мероприятиях боевого и тылового обеспечения, управления и т. д. На их основе необходимо разрабатывать серии компьютерных игр с вариантами двусторонних действий,

которые и должны лечь в основу подготовки комсостава, начиная с суворовских и нахимовских училищ.

В современных условиях командир в отличие от предшественника из XX века должен обладать «удвоенными способностями»: руководить современным боем и операцией межвидовой и разведомственной, коалиционной группировки с использованием всех современных, в том числе и управленческих технологий. Если вся эта «электроника» по каким-либо причинам перестанет функционировать, каждый командир обязан уметь с помощью сигнальных ракет, флажков, посыльных, условных жестов, азбуки Морзе столь же эффективно управлять подчиненными подразделениями, соединениями и объединениями.

Безусловно, система военного образования адаптируется к современным требованиям, но иногда ее стремление угадать мнение высокого начальства и вместо ожидаемого результата вписаться в новоиспеченный «тренд» приводит к обратным последствиям. Так, желание угодить бывшему министру обороны привело к тому, что из военного образования были удалены или вынужденно ушли большинство профессионалов. Научные советы в учреждениях высшей профессиональной военной школы были фактически упразднены. А самостоятельные, самодостаточные и исторически успешные вузы и академии «насильственно ввергнуты в болонскую систему, обозваны институтами и сведены в безликие, неэффективные, бесправные «научные центры».

И хотя Сердюкова уже нет в наших воинских рядах, его дело живет, плодя «бесмысленных начальников с испуганной душой». Сегодня ни один руководитель военного образования не смог мне объяснить – зачем командиру мотострелкового взвода быть бакалавром и на каком таком конкурсе международного военного труда будут конкурировать дипломы Московского ВОКУ и Вестпойнта? Их конкуренция может состояться только на поле боя.

Основной «туман войны» идет от разрухи в наших головах, которую мы устраиваем себе по неграмотности и невоспитанности; от незнания, неумения и лени; от боязни ошибиться, трусости (вспомним бессмертные пожелания Александра Суворова воинским чинам: «Солдату – бодрости, офицеру – смелости, генералу – мужества»); от того, что у многих начальников нежелание что-то делать превосходит понимание необходимости изменений; от того, что к власти приходят молодые люди, личные заслуги которых неосознаемы, возможности умозрительны, а образование – где оно в эпоху победы воинствующего либерализма?

Можно с тревогой констатировать: наш высший командный состав после Академии Генштаба нигде не образовывается, никто этим вопросом не озабочен, нет базового профессионального контента, да и учить некому – всех разогнали. В результате они потихонечку как профессионалы и руководители деградируют.

У них остается одно испытанное средство – «генеральский накат», то есть система предметных и беспредметных разносов, ругани по любому случаю, поводу и причине. Если в Советской армии нам в целом удавалось «гасить дурь старшего на себе», то сегодня все боятся внезапно оказаться несоответствующим условиям контракта и стать безработным, потому молчат. Это настолько актуально, что надо срочно ставить вопрос о создании специальных Высших курсов по ликвидации стратегической безграмотности руководящего состава страны, чем, кстати, успешно занималось руководство СССР в 30–40-х годах прошлого столетия, и искать еще оставшихся профессионалов для преподавания там.

Важно, чтобы эти курсы не оказались связаны с Высшей школой экономики или РАНХиГС, где вовсю идет либеральный коммерческий и высокодоходный околообразовательный процесс, формирующий особо опасную для страны компоненту «тумана войны» – целенаправленную деградацию кадров управления государством.

Нельзя не сказать и о болезненной реакции некоторых руководителей на критику и невосприимчивость к ней, о нежелании вдумываться в существо предлагаемых решений и советов, слушать знающих и опытных экспертов, о неумении распорядиться этим

интеллектуальным капиталом. Через наших чиновников серьезная, фундаментальная (а значит, затратная) мысль пробиться не может. Более того, сегодня в государстве нет структуры, способной интеллектуальный потенциал России собрать, оценить и заставить работать на благо Отечества. У наших «заклятых партнеров» есть, например, ДАРПА, которая именно этим и занимается: собирает, оценивает, отбирает, финансирует и внедряет передовые технологии. Неудивительно, что они появляются сначала у них.

При продолжении существующей тенденции в образовании мы скоро вообще перестанем выпускать и готовить управленцев и командиров, способных точно оценить обстановку, самостоятельно сформулировать вопрос (проблему) и решить. И вот тогда нам уже никто не поможет – ни навороченные гаджеты, ни вливаемые в армию деньги, ни новые начальники.

Хочешь мира – войю всегда!

Минобороны и Генштаб РФ не сформулировали госзаказ на фундаментальные исследования для военной науки, на подготовку кадров в учреждениях профессионального образования МО РФ, начиная с суворовских и нахимовских училищ. Это уже привело к ненужной закрытости армии и кадровому голоду на ответственных, инициативных и грамотных командиров и начальников.

Дефицит кадров прямо связан и с тем, что кадровый отбор направлен на продвижение самых «лояльных и молчаливых» персонажей, которыми уже перенасыщены структуры управления Вооруженными Силами и кто по определению неспособен к принятию собственных обоснованных решений, организации их исполнения. Все это резко снижает темпы и качество совершенствования военной организации России. Многие начальники на местах попросту ждут высочайших указаний, директив и, только получив их, начинают что-то делать. В результате существует конкретный провал в профподготовке современных командиров, который, к сожалению, не восполнится моментально.

Если гибридная война развернется как прямая вооруженная борьба, то в ней победят самые стойкие, убежденные и умелые – те, кто из «тумана любой войны» бесстрашно приведет подчиненных к победе. По определению, думаю, ими все же будут офицеры Российской армии.

При перманентном (непрерывном) характере современной войны лозунг «Хочешь мира – готовься к войне!» уже не работает. Сегодня должен быть в ходу другой: «Хочешь мира – войю!». Он означает, что нужно уметь воевать, получая знания немедленно. Для этого требуется менять качество и стиль нашего профобразования, военной науки и боевой подготовки войск.

Александр

Владимиров,

президент Коллегии военных экспертов России, генерал-майор

Комментарии к статье в интернете

Антрополог, 00:00, 28 февраля, 2017

Во! Если бы был Бог, я поблагодарил бы Его за мои призывы в никуда по поводу обучения по симулякрам от школьной скамьи - до генштаба(с маленькой буквы). Уже дошло до некоторых. Уже всякий мальчишка знает, что ПО всех симулякров создано в США. А потом не виртуальные, а натуральные солдатики будут погибать на войне, которая запрограммирована не у нас, а в американском Генштабе(с большой буквы).///Сбылась мечта всех врагов России: Россия перешла на международные стандарты обучения своих детей!!! Погибать на неизбежной войне наши дети тоже по международным стандартам будут? - Даже не надейтесь, господа космополиты. Для наивных уже приготовлены экономичные технологии ликвидации. Враг никогда не воюет по правилам.

Жандаров, 05:43, 28 февраля, 2017

Товарищ генерал! Вы не совсем поняли вот это:"Так, желание угодить бывшему министру обороны привело к тому, что из военного образования были удалены или вынужденно ушли большинство профессионалов". Было указание Верховного: "Не согласен, уходи". А ещё "подпевала" Макаров ахинею про педагогов ВАГШа молотил. Вот и ушли с достоинством, особенно волна пошла после приказа 1400, которым напрочь раскололи даже убежденных седиными педагогов. У нас достоинство и честь не позволила поддакивать Приезжевой. Поэтому и некому сейчас "формировать оперативно-стратегическое мышление". Поэтому, если в 1964 году с ЦКП ГШ ВС СССР обеспечивали управление 5 миллионной армией 22 офицера, то сейчас сколько на Знаменке и Фрунзенской набережной? И ведь четкого осуждения провала в военном образовании в 2008-2013 годах нынешнее руководство так и не провело. Тогда о чем, Вы?

Гость, 06:04, 28 февраля, 2017

Кстати, провалы в военном образовании сердюковских времен ещё не повылазили наружу. А к той дури прибавьте ещё и ЕГЭ и совсем грустно становится. Но Вы, товарищ генерал, правы в одном: выходы надо искать решительно, но сначала все-таки старшие начальники, если найдутся, конечно, должны мужественно, как и подобает генералам признать: не туда заехали. Признают ошибки, тогда выкарабкаемся.

milstar, 17:21, 1 марта, 2017

Свечин Стратегия — искусство военных вождей. Стратегия — искусство полководцев, по преимуществу, искусство тех лиц, которые призваны решать основные проблемы, выдвигаемые обстановкой войны, и передают свои стратегические решения для исполнения оперативному искусству. Стратегия, это — искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если у него не будет ясного стратегического мышления. Во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор между двумя оперативными альтернативами, оператор не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а должен подняться в стратегический этаж мышления. Тогда как тактика живет решениями, требуемыми моментом, и вся тактическая работа отличается крайней злободневностью, стратегия начинается там, где виднеется ряд последовательных целей — этапов к достижению конечной цели войны. Стратегия должна широко заглядывать вперед и учитывать будущее в очень широкой перспективе. Стратег шагает операциями; эти шаги стратегии растягиваются во времени на несколько недель и даже месяцев. Стратег должен глубоко учесть обстановку и возможные ее изменения, чтобы не менять основ своей директивы, когда операция достигнет лишь начала своего развития. Стратег должен быть дальноразумным, чтобы оперативное и тактическое искусство могли работать планомерно. Немцы до мировой войны считали, что, благодаря Клаузевицу, остающемуся для других армий непонятным, они обладают монополией стратегической дальноразумности. Дальноразумность возможна лишь при условии широкого идейного кругозора; можно легко указать целый ряд тактиков, бывших умственно ограниченными людьми, но выдающихся стратегов в числе последних мы не найдем. Каждый вождь, указующий путь, является хотя бы

отчасти пророком. Неизмеримо значение правильно указанной и реально очерченной цели для деятельности человеческих масс. Стихия разрозненных действий, общий разброд в результате неплановости, перекрещивание намерений, взаимно уничтожающиеся усилия — все это исчезает, когда устанавливается общий уклон к намеченной вождем цели. Действия упорядочиваются, сливаются в небольшие ручьи, текущие по уклону к цели и создающие в результате одно обширное течение; усилия всех и каждого во всех вопросах как бы самостоятельно и естественно устремляются в указанном направлении. Указание верной цели обуславливает бурный поток мыслей и воли. Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. Изучение стратегии требуется не только для высшего командного состава армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операциями, должен отдавать себе ясный отчет в тех пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. Точно так же и политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет в том, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах, и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств. Бисмарк не мог бы так авторитетно руководить политикой Пруссии, если бы не отдавал себе глубокого отчета в положении на театре войны. Обязательность знакомства со стратегией для всего комсостава. Для достижения дружной работы огромных масс на тянущихся на сотни верст фронтах необходима серьезная стратегическая подготовка частных начальников. Эта истина была несколько забыта во время позиционного периода мировой войны, благоприятствовавшего развитию крайней централизации управления. Командирам корпусов в обстановке маневренной войны сплошь и рядом приходится принимать ответственные решения, дающие операции тот или иной стратегический уклон.

Корректор, 22:44, 1 марта, 2017

milstar, Это вы про то, что для любой войны нужно иметь высшую политическую цель? :)))
Образование, это только отражение общества. Но общество формируется условиями существования. С другой стороны, политическая воля способна менять образование и тем изменять условия существования общества. Но в тоже время, политическая воля возникает из противоречий между условиями существования и потребностями основанных на мировоззрении. А мировоззрение формируется образованием. Значит все начинается с достойной идеи. Идеи находящейся в противоречии с имеющейся данностью. Так что вы конкретно предлагаете? Идея стратегии неплохая, да только нужно точно понимать какова политическая цель. И только тогда будет стратегия.

Анатолий, 11:14, 2 марта, 2017

Уважаемый Александр Иванович, большое спасибо за тему, поднятую Вами, правда несколько запоздало. но, как говорится, "лучше сейчас, чем никогда". Проблема подготовки военных кадров, действительно злободневна. Я всецело согласен с Вами, но... У меня всё чаще возникают мысли, что всё, что делается в нашей стране правительством либералов - делается в интересах большого бизнеса, который отнюдь не обременён мыслями о защите национальных интересов, ибо этот бизнес интернационален по своей сущности и для него война (любая!) - это тоже бизнес. Зрите в корень, - призывал К.Прутков, а А.Девятов говорит: - Тщательнее надо, тщательнее.